

Interpone tuis interdum gaudia curis

СУББОТНИК НГ

НОВАЯ РАДИО

Независимая газета

Еженедельное приложение к «НГ»

№ 39 (39), 4 ноября 2000 г.

Выходит с января 2000 г.

СМЕХ – ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

стр. 11

ВЛАДИМИР ПОЗНЕР
В НОВЫХ «ВРЕМЕНАХ»

стр. 12

ПРОГРАММА ТЕЛЕВИДЕНИЯ
НА НЕДЕЛЮ

стр. 13

ИЗ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ПОЧТЫ «НГ»

стр. 15

КУЛЬТУРНАЯ АФИША НЕДЕЛИ

стр. 16

Ирина Барышева,
Александра Щуплов

МНОГИМ знакомы ее песни и совсем неизвестно ее имя. Между тем этот голос навсегда остался в памяти нескольких поколений. Аида Ведищева... Легенда советской, а теперь уже и российской эстрады. Раньше к ее песням относились как к легкомысленным чепушкинам. Что можно было требовать от «Песенки о медведях» из «Кавказской пленницы»? Тоже мне, глобальная проблема – трюсы спиной медведи о земную ось! А знаменитое знойное танго «Помоги мне» – из «Бриллиантовой руки» с навеки прикованным к нему воплем Светланы Светличной: «Невиноватая я! Он сам пришел!» А милая, добродушная, неприязнительная «Чунга-Чанга»? Сейчас, по прошествии многих лет, мы видим, что это было своего рода мужество – вопреки песням о БАМе и Малой земле – петь эти легкомысленные песенки, которые, заметим, своим коэффициентом полезности действия нередко перебивали мощнейший хор «Слышишь, время идет: БАМ!»

Когда-то итальянцы прозвали одну из своих песенных звездочек Риту Павоне «маленьким поющим чудом в веснушках». Аида была нашим маленьким чудом. И остается им. Вот уже 20 лет она живет за океаном в Лос-Анджелесе. Ее сценическое имя сейчас звучит Amazing Aida – в переводе с английского «Удивительная Аида». В самом деле, вызывает удивление, откуда у этой маленькой женщины со сложной и запутанной судьбой столько сил для борьбы с прехитрыми силами жизни? Как удалось ей не сломаться? В 1967 году никому тогда не известная девочка из Иркутска в одиночку стала суперзвездой всесоюзного масштаба. Пластинка с «Песенкой о медведях» была сметена с прилавков музыкальных магазинов и разошлась семимиллионными (!) тиражом. К ее услугам были лучшие оркестры. Модные композиторы и легендарные поэты-песенники искали ее внимания. Одно ее имя на афишах – Аида Ведищева! – гарантировало аншлаг. И вдруг отъезд за границу. В неизвестность. В другую жизнь, в другую страну. Навсегда! Навсегда ли?

Она переборала себя и стала другой. Покажите звезду, которая бы в свой звездный час начала артистическую карьеру сначала и пошла в ученики. Аида поступила именно так! Может быть, поэтому сейчас Amazing Aida – единственная эстрадная певица из России, добившаяся безоговорочного признания в Штатах, где ее называют «русской Мерилин Монро» и сравнивают ее волшебный голос с голосом Барбры Стрейзанд...

— Аида, как вам сейчас живется? — Живется мне очень хорошо: я делаю то, что я люблю. И это дело у меня поставлено на хорошую основу, которая была дана мне странной, где я родилась, — Россией. У нас были культурные ценности. Хотя и цензура тоже была. Конечно, нас в России били. Может быть, это было и хорошо. Может быть, это было и совсем хорошо. Но главное — у нас было свое дело, свое отношение к жизни, которое сформировалось, за исключением, приехав в Америку (а я живу там уже 20 лет), я не пошла легким путем, который, в общем-то, можно было бы трута там основать. Я не захотела вливаться в толпу. В то время я еще могла это сделать: я все-таки вела свою творческую родословную от Клавдии Ивановны Шульженко, от моего учителя — Утесова. Поначала пошла в американскую школу, чтобы освоить то, что считается американской культурой. Основываясь на двух культурах — нашей и американской, я и сумела найти свой путь, которым иду эти двадцать лет.

— Почему вы уехали из Советского Союза в свой звездный час? — Хотя я и творческий человек, терпения мне не занимать. Когда в советские времена запрещали, а я начинала работу по-новому. Если закрывали один мой проект — создавала другой. Мне всегда хотелось творить, радовать людей. Тем временем ситуация становилась все серьезнее и тучи надолго ступали все больше и больше. После выступления на международном фестивале в польском городе Сопоте в 1968 году я узнала, что тогдашний министр культуры Екатерина Фурцева ввела

еще несколько песен «на бис». Когда вернулась в Москву, Екатерина Фурцева выразила недовольство: не так пела, не те песни пела. На меня стали давить. Вот тогда и возник тот список, о котором я говорила. Впрочем, я — человек отчаянный. Я проложала путь так, как считала нужным. Как раз в это время на экраны вышел фильм «Бриллиантовая рука», и танго «Помоги мне!» звучало из каждого магнитофона. Между прочим, поначалу Леонид Гайдай очень сомневался, смогу ли я после созданного мною нежного и романтического образа в «Лесном олене» и «Песенке о медведях» изобразить такую роковую женщину-вамп, сексапильную соблазнительницу. Но ведь я актриса! До сих пор вспоминаю, как делалась эта запись: я только что вернулась с гастролей по Дальнему Востоку — разница во времени десять часов. Не могу прийти в себя. Когда надо было петь — я сплю, когда надо спать — пою... И вдруг почти в полночь — звонок от композитора Александра Зацепина: «Аида, срочно приезжай на студию, все уже свои песни записали, остались ты одна!» Я приезжаю и вижу такую картину: на полу лежит большой красный ковер, на нем с бутылкой водки расположились трое и выпивают в ожидании меня: Юрий Никулин (он только что закончил запись песенки «А нам все равно!» и ему было уже все равно!), Андрей Миронов — после своего «Острова невезения» и режиссер Леонид Гайдай, который нас всех «пас». Увидели меня: «О, Аида, давай, присоединяйся к нам!» Я говорю: «Вы меня зачем сюда среди ночи вызвали — пить или петь? Вы уж тут сами заканчивайте, а я пойду поработаю». Вот так 30 с лишним лет назад родилось это легендарное танго «Помоги мне!»

— Как затем развивалась ваша песенная карьера? — Потом фильмами с моими песнями пошли через границы: «Белый рожь», «Красное, синее, зеленое». Везде я была за кадром, на экран меня не пускали. В 1970 году проходил конкурс радиостанции «Юности». Я была на гастролях в Барнауле, там к моему музыканту подошел молодой мальчик и предложил несколько своих песен. Одна мне очень понравилась, я включила ее в свой концерт, а когда вернулась в Москву, предложила на конкурс «Юности». Песня получила первое место. Все гадали: кто же из членов Союза композиторов ее написал. Многие были уверены, что Пахмутова или Богословский. Но как только я сказала, что это неизвестный мальчик из Барнаула, молодой начинающий композитор, студент медицинского института, первая премия моментально была отменена! Ведь по нашим советским меркам того времени, у нее был «не тот автор». Потом эта песня облетела весь Советский Союз и стала гимном молодежи. Это был «Товарищ» (помните: «Тебе полвина, и мне полвина»), а написал его известный сейчас композитор Олег Иванов — тот самый студент-медик, который подошел ко мне в Барнауле...

— Ходили слухи, что главной причиной недовольства со стороны начальства была ваша шоу-деятельность и создание нового для нашей эстрады жанра — танго. — Я никогда не считала себя просто певицей. Я скорее драматическая актриса. Для меня была важна не игра, а жизнь на сцене. Это жизнь пою и танцую, хотя сценическому движению я нигде не училась: просто я отпускаю свое тело на волю, и оно само делает то, что хочет. Я настолько творческий человек, что всегда делаю вперед. В частности, в Советском Союзе я первая сделала шоу бродвейского плана. Я всю жизнь мечтала создать театр на сцене. Мечта, надо сказать, несбыточная в тогдашнем Советском Союзе. Каноны жанра требовали от певца стоять на сцене без движения, а от балерины — танцевать, не открывая рта. Для меня же музыка, слово, жест, танец — это одно целое! Познакомившись в те далекие времена по «Голосу Америки» с искусством Барбры Стрейзанд, Дайаны Росс, Донны Саммер, я решила создать нечто новое на советской эстраде. Пригласила молодого режиссера-новатора Юрия Шеринга, который был балетмейстером и продюсером в одном лице, мы вместе с ним и моим коллективом — ансамблем «Мелотон» поставили эстрадный театральный спектакль «Позиция новеллы». Работали за мизерную оплату: помнится, одна время моя ставка была... 8 рублей за выступление! Возили на гастроли с собой пять тонн аппаратуры, декорации, цветомузыку. Музыканты не только играли актрисами, переоделись, вели диалоги... Например, в новелле «Сормовская ярмарка» на сцену выплывала настоящая лодка, плясали скаморохи, на берегу Волги разворачивался многолюдный базар с народными песнями, частушками... Это было яркое и красочное представление. Самый сильный моментом спектакля по

Аида Ведищева.
Фото Ирины Барышевой

«В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ МНЕ СОВЕТОВАЛИ ПЕТЬ, КАК ТОЛКУНОВА И ПАХОМЕНКО...»

Рассказывает суперзвезда советской эстрады, ныне американка, Аида Ведищева

— Все идет от нашего бескультурья. Мы не имели Бога в сердце. Таким нас воспитало наше атеистическое общество. Поэтому у нас и не было ни единения, ни объединения. Когда я смотрю на артиста, я вижу не артиста — я вижу Бога, проистекающего в этом теле. Иными словами, это тело было готово принять и приняло дар Божий. Посмотрите на спортсменов: они выходят на свой спортивный полв и кричатся. А потом идут в бой. У нас советских, этого не было. Мы шли с такими амбициями, с таким «Я так много, я так много». У нас не так много. Общаться было некогда: 13 месяцев в году — гастроли. У нас были какие-то собрания, митинги, когда мы собирались в ВТО, были вечера в ЦДРИ. Я очень любила и люблю Ларису Мондрус, Валю Дворяновичу. Много лет мы дружили с Савелием Крамаровым, я его приглашала на свои концерты, он меня — на свои фильмы. Было интересное время — время, когда никто никому не завидовал. Из композиторов я дружила с Игорем Грановым, Владимиром Шанским, Олегом Ивановым... Иных уж нет, а те далече...

— Кто из советских композиторов и поэтов оптимально раскрыл вас в своих песнях? — Александр Зацепин, Владимир Шанский, поэт Леонид Дербенев... Я пела песни разных композиторов. — Кто из советских певцов вас потрясал? — Валерий Ободзинский! Потрясающий певец был, великолепный, талантливый, эмоциональный. Очень любила Элиту Песиху, хотя мы с ней мало общались. Она имела свое лицо, и публика ее любила.

— Ну, а Алла Пугачева? — Я полюбила ее с первой песни «Как бы мне влюбиться», которую написал Володя Шанский. Она была еще девочкой. Песню я услышала по «Доброму утру», мне понравилась ее манера исполнения. Потом она исчезла, работала в разных оркестрах. Ну а потом появился «Арлекино» — и началась пугачевская эпоха.

— Кто еще? Кобзон? Ну, с Иосифом Кобзоном мы, естественно, шли вместе. Иосиф Давыдович — это личность. Он дал путевку в жизнь многим песням Пахмутовой и Островского. И вообще, Кобзон и Кристаллинская — корифеи нашего искусства 60–70-х. Я не говорю уже о Капитолине Лазаренко — это поколение невозможно постарше. А вот Нина Бродская — это уже наше поколение. Прекрасная была певица, давно уже в Америке живет. В Америке приходится встречаться, хотя и нечасто, и с Эмилем Горюховым. Это тоже мой друг. Я живу на одном берегу, он на другом. Встречаемся обычно на собственных концертах. Публика его очень любит, он обладает совершенно потрясающим голосом и великолепно поет.

— А какой репертуар сейчас у Горюхова? — Он поет новый еврейский репертуар и старые песни: «Я шагаю по Москве», «На седьмом этаже...» Когда-то мы выступали вместе, но потом он сказал, что больше не хочет со мной выступать: мол, мы работаем в разных жанрах. И я ушла совершенно в другое искусство, а он остался певцом эстрады. Сейчас он уже в возрасте, ему семидесять с лишним, и он не будет скакать и прыгать по сцене. Мы с тобой, говорю, на сцене как папа с дочкой. Я ему: «Да перестань ты! Тебе не надо ничего делать, только рот открой и пой. Песня сама летит!» У него и у Михаила Александровича голоса — просто чудо какое-то. Сохранили голоса, не пропали. Недавно я делала программу «The best of Russia», и Александрович пел на моем концерте. Александрович — это целая эпоха, настоящий корифей искусства, потрясающий лирический тенор. Это еврей, которого признал Сталин! Значит, он чего-то стоял! Сейчас он уже не поет и, по-моему, уже где-то в Германии.

— Как приняла вас Америка? — Как все выезжающие, мы получили всего по 150 долларов. Приехав в Штаты, я пошла к американским агентам. Проблем с языком у меня не было (еще в Иркутске я окончила Иняз), и я навильно думала, что сразу получу какие-то предложения. Я не учла одного: я была советской певицей, с русскими манерами, совершенно чуждая американцам. Пришлось

начинать жизнь сначала. Впрочем, это было уже не в первый раз. Сначала отыкала от многих советских привычек, и в первую очередь — от «звездности». В Советском Союзе каждый артист верил в то, что он самый лучший. Да, здесь я была примой, звездой — в Америке пришлось снова стать простой студенткой: поступила в Бруклин-колледж, изучала американский кинематограф, театр, танец, метод доктора Сузуки, выработавший дыхание. Кстати, я до сих пор делаю по утрам эти дыхательные упражнения, поэтому выдерживаю большие нагрузки: могу петь и танцевать два часа подряд и при этом не устаю и не задыхаюсь. Все заработанные деньги я тратила не на костюмы и драгоценности, а на просмотр лучших бродвейских постановок. Каждый мюзикл просматривала по 10–15 раз, выитывала все лучшее, что есть в американской музыкальной культуре.

— В результате, уже через два года после своего приезда я выступила в малом «Карнеги-холле» со своей первой американской программой «The best of Broadway and Hollywood». — Видимо, вам в этом помогло удачное замужество: вы осуществили заветную мечту всех россиянок — вышли замуж за американского миллионера... — Если бы вы знали, чем обернулось для меня это «замечательное» замужество, вы бы не удивились. Несколько раз мне передавали записки от какого-то брата, который настойчиво писал, что хочет со мной встретиться. Обычно после какого-то концерта я получала десятки таких записок. Если бы я встречалась со всеми, кто этого хотел, у меня не осталось бы времени ни на работу, ни на дом, ни на отдых. Тем не менее он разыскал меня через моих агентов, и в одном из концертов нас все-таки познакомили. Он не успел сказать до тех пор, пока не женился на мне. Жизнь моя совершенно изменилась! Несмотря на то что мы познакомились на моем концерте, после женитьбы мой муж был категорически против того, чтобы я пела. Пять лет я прожила в золотой клетке и снова сказала себе: «Хватит, Аида! Ты приехала сюда творить — вот и делай то, что тебе по душе!» Я подала на развод. Бракоразводный процесс был очень сложным и мучительным, я ушла из дома... В результате стрессов и переживаний очень тяжело заболела. В России об этом не говорят, а у нас не принято скрывать: у меня был рак. Причем, в такой стадии, что мне даже не хотели делать операцию. Когда врач увидел мои снимки, он победил и не мог сказать ни слова! Но так как я сама из семьи врачей (мой отец был одним из основоположников современной стоматологии, мама — хирург), то знала основы медицины. Я не отчаивалась, верила во Вещь и говорила себе: «Если твоё время пришло — слава Богу! Закончила свой путь в этой жизни — хорошо. Будет следующая жизнь!» Надо верить в реинкарнацию, в перевоплощение, в бессмертие души, в будущее — тогда не страшно и умирать... Очень долго шла к этому пониманию. И когда мне объявили диагноз, все же нашла врачей, которые согласились сделать операцию. Потом я прошла полный курс химиотерапии, и до сих пор мое утро начинается сначала с молитвы, радости, часовой пробежки, дыхательной гимнастики... А потом — обязательная диета, «завтрак большого человека», которую я разработала сама: перемешанные вместе яблоко, грейпфрут, лимон, чеснок. Представляет, что получается на вкус? Но — надо! Я победила рак, потому что у меня была вера, и она меня подняла. Если у человека есть вера и надежда, он все может одолеть.

— Какую веру вы исповедуете? — Я верую в Единого Бога. И Он меня хранит. Расскажу один случай. Когда во время бракоразводного процесса я жила в доме своего адвоката, то меня попросили написать песню к американской кинокартинке «Преступления и наказания» Достоевского. Работать я привыкла ночью, когда крутом — тишина, никто не мешает, нет ни звонков, ни разговоров. Помню, где-то к пяти утра закончила очень сильно — духовную по содержанию — песню и легла спать. Просыпаюсь примерно в час дня — крутом все черно, неба не видно! Оказалось, вспыхнул сильный пожар и горит почти весь район. Хватало необходимых документов, сажусь в машину, чтобы спасти хотя бы ее. Увы, проехать невозможно. Все улицы запружены людьми, которые ведут под уздцы лошадей: в этом районе живут известные голливудские звезды, многие из них улетают к верховой езде, и в первую очередь они кинулись спасать своих скакунов. Только к вечеру я на своей машине съезду эту толпу, а когда спускаю некоторые время вернулась обратно, обнаружилась, что дома слева и справа горели полностью, а наш отель еще нет, пост-

радала только ограда! Первой моей мыслью было: «Я писала духовную песню, думала о Боге, и Он меня спас!» Вот ведь как бывает... — Откуда у вас столько энергии? — Меня об этом часто спрашивают. Отвечаю: от небес. Из Космоса. Я не прошу ничего, все приходит само. Я только благодарю Бога за каждый прожитый день, за каждую минуту на сцене. Это и придает мне такие силы.

— Бытует мнение, что Америка — страна замкнутых индивидуалов и эгоцентристов. Вы легко сходитесь с людьми или, наоборот, стараетесь никого не подпускать к себе близко? — Я уже через многое прошла. У меня имеется опыт взаимоотношений с окружающим — как положительный, так и отрицательный. Я — открытый, простой человек. Раньше я очень близко подпускала к себе людей. Сейчас я попыталась замкнуться в себе. Поняла, что далеко не все люди так искренни и откровенны, как кажутся: иногда некоторые просто хотят что-то выиграть и потом использовать против тебя. Для того чтобы не иметь врагов, лучше не приближаться, а держать себя со всеми по-хорошему, но на расстоянии. У меня есть свой круг общения. Он окружен стеной. И только Бог — через нее ко мне может пройти. Люди — слишком разные, часто приходилось разочаровываться...

— У меня в Америке была лучшая подруга, с которой мы учились на курсах. На расстоянии у нас с ней все было чудесно — мы дружили, помогали друг другу. А как стали вместе учиться, я увидела совершенно другого человека: она вдруг начала завидовать тому, что я получаю хорошие оценки, мучилась сама, мучила меня! Я до сих пор не понимаю, что произошло между нами — неужели из-за какой-то четверки или пятёрки можно так возненавидеть близкого человека?! На расстоянии же ты не видишь человека, и все отношения сохраняются очень надолго.

— Если бы вам предложили вернуться в Россию и начать с чистого листа, бы вы или уже чувствуете себя американкой? — Я в Америке уже 20 лет. Поэтому уже не чувствую себя американкой — я и есть американка. Весь мой репертуар — на английском языке. Наше русское искусство там никому не нужно. Мои песни на русском (в основном это старые песни из фильмов да известные во всем мире романсы «Мшички, не тоги лошадей!» или «Очи черные») — дань уважения публике, приехавшей из России, которую помнит и любит меня, как Аиду Ведищеву. В прошлом году в США широко отмечалось 30-летие фильма «Бриллиантовая рука». Меня пригласили в турне по городам Америки со своей русскоязычной ретропрограммой, куда входит, естественно, и знаменитое танго «Помоги мне!». За несколько недель до этого мы с сыном катались на горном курорте на моторолере, я упала и сломала руку. Мне ее загнули. Для тура я подготовила шикарные концертные наряды, но теперь ни один из них не подошел, так как не могу скрыть мою загнувшую конечность. Пришлось все концерты выступать в одной и той же блузке в горошек, которая помогла хоть как-то замаскировать травму. Но зато не все вопросы публики из зала: «Аида, что с вами случилось?» я с полным правом отвечала: «Поскользнулась, упала, очунулась — гипс!» Успех был колоссальный! Впрочем, этот тур был подготовлен для русского зрителя. Для огромной армии поклонников-американцев в Amazing Aida. Для них я и пою бродвейские мюзиклы, и свои песни, стихи к мюзиклам пишу сама.

— Я верю, что у меня еще все впереди. Еще столько жизни предстоит прожить, что нельзя останавливаться. Американцы это знают. Жизнь чему-то учит, потому что для них очень важно движение вверх. На небо. А насчет того, чтобы вернуться и снова начать все сначала... Не знаю. Наверное, я уже сломала себя. Раньше было больно думать, что все живут у себя дома, а я — неизвестно где. Но сейчас у меня уже давно все устроено, есть своя квартира, дом на побережье... Хотя, в общем-то, дело не в этом. В Америке у меня много друзей, связи, сын. И 20 лет — все-таки солидный срок! Кроме того, мне очень подходит местный климат, что для человека в моем состоянии тоже имеет большое значение. Но я не прощалась со своим зрителем в России навсегда и с удовольствием приезжаю сюда на гастроли, с концертами. Если, конечно, приглашают. Не так давно я показывала на Украине свою программу «Best of Broadway». Многие пришли послушать именно бродвейские мелодии. Когда после основной программы я стала исполнять песни из своего старого советского репертуара, у зрителей был шок: все знали мои песни, но не знали меня! Многие были уверены, что меня и в живых-то нет. И вдруг — знакомый голос и мелодии, которые помнят с детства...